

Лев Платонович Карсавин

Монашество в средние века

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168229
Монашество в средние века: Высшая школа; Москва; 1992
ISBN 5-06-002439-3*

Аннотация

Работа Л. П. Карсавина «Монашество в средние века» вышедшая в 1912 г., – первая и до сих пор единственная обзорная книга на русском языке по истории средневекового монашества в Западной Европе. В ней рассматриваются такие вопросы, как истоки монашества, распространение устава св. Бенедикта, рыцарские и нищенствующие ордена, религиозные организации мирян и др.

Содержание

Глава I. Начала монашества	4
Глава II. Западное монашество до Бенедикта	11
Глава III. Бенедикт и его устав	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лев Платонович Карсавин

Монашество в средние века

Глава I. Начала монашества

1. Монашество – историческая форма осуществления аскетического идеала. В основе же этого идеала лежит дуалистическое мироощущение и, в более развитом виде его, – миропонимание. Если существует тот или иной вид, та или иная степень дуализма, хотя бы в противопоставлении добра и зла, духа и тела, попытка доставить торжество тому, что признаётся ценным, необходимо приводит к аскезе. В этом смысле всякое самоупражнение, духовное самовоспитание, достигаемое путём воздержания от ряда своих желаний или путём устремления к добру (благодаря чему многие желания отпадают сами собой) уже будет аскезой. И нет принципиальной разницы между духовной борьбой со своими «грехами» (прямой – в первом случае, косвенный – во втором) и самобичеванием, какие бы дикие формы оно ни принимало. Разница – в силе борьбы признаваемого положительным с тем, что признаётся отрицательным, в ожесточенности её и во внешних её проявлениях, то есть в средствах борьбы. Чем интенсивнее дуалистическое мироощущение, чем сильнее ощущается сила зла, тем ярче проявления аскезы. Наоборот, «прирожденная святость», благодать увлечения добром, при которой преодоление зла является не главной целью, а следствием, вторичным эффектом, делают излишними крайние формы аскезы, легкую борьбу со злом, но не устраняют аскезы, потому что для этого надо было бы стереть само различие между добром и злом.

В христианском учении даны основы дуализма и аскетизма. Их нельзя выкинуть из священных книг, не разрушив содержащегося в них учения. Юноша спрашивал у Христа, что делать, чтобы быть совершенным, и получил ответ: *«Если хочешь быть совершенным, иди, продай всё, чем обладаешь, и раздай полученное бедным... и приходи, и следуй за мной!»*. *«Всякий, – прибавил Христос, – кто оставит ради имени Моего дом, братьев, сестёр, отца, мать, жену или детей или поля свои, получит за это сторицею и будет обладать жизнью вечной»*. Трудно богатому войти в Царствие Божие, и высок поставленный Христом, осуществляемый Им и Его верными учениками идеал. «Лучше не жениться», – толковали слова Иисуса апостолы. *«Не все вмещают этот завет, – отвечал Он им, – но те, кому дано вместить его, есть скопцы, так и рождённые скопцами чревом матери своей. И есть скопцы, оскропленные людьми. И есть скопцы, оскропившие себя сами ради Царствия Небесного. Кто может вместить – да вместит»*. Осуществлялся ли идеал Христов «скопцами от рождения» легко и свободно, в силу самопроизвольного внутреннего стремления к добру, или же «оскопившими себя» – ценой страданий и борьбы, он предполагал различие добра и зла, был дуалистичен, требовал отвержения зла – был (пассивно или активно) аскетичен. Понимая высоту своего идеала, Спаситель не требовал от всех полного его соблюдения, снисходя и прощая. Но и неполное осуществление идеала было дуализмом, предполагая сознательное стремление к нему, аскетизмом, требуя отказа от зла. Всех же, кто чувствовал в себе силы, достаточные для того, чтобы поднять бремя неудобноносимое, Христос звал к совершенству, к высшему, что доступно было человеку – к «следованию за Ним», и, следовательно, к отречению от мира – к высшей степени аскезы или к собственно аскетизму.

Но исчерпывалось ли содержание нового учения аскетизмом? – Нет, потому что совершенный должен был «следовать за Христом», а это понятие шире аскезы, выходя за пределы победы над собой и духовного единения с Богом. Истинный ученик Христа становился «апостолом благовестия Царства Божьего». Задача индивидуального спасения соединялась с

задачами социально-религиозными. Но все апостолами быть не могли. Ни Христос, ни ученики Его к этому всех и не звали, насаждая более умеренный, более примиримый с миром идеал. Апостолы даже ревниво и подозрительно относились к самозванным ученикам Спасителя, и самому Павлу пришлось выдержать нелёгкую борьбу с Двенадцатью. Под влиянием апостолов и их преемников в христианских общинах Сирии и Палестины, Малой Азии, Греции и Запада расцветал умеренный идеал христианской жизни, идеал умеренного подражания Христу, совмещавший основные моральные заветы Евангелия с жизнью в миру, с обладанием имуществом и с семьёю. Росла христианская литература, и всё труднее становилось понять мысль Христа так, как поняли её первые ученики Его. Идеал апостольства завлакивался новым идеалом, вступающим в сочетание с идеалами, выросшими на почве язычества, и становившимся традиционным. Благодать учительства, евангелизации стала достоянием немногих сравнительно «харизматиков». Благовестив ограничивалось территориально, соединялось с относительною оседлостью, и место апостолов заступал возникающий клир. Стремящийся к совершенству уже не пил спасительную воду у её истока, искал и находил ответы на свои запросы в понимании христианства, выросшем в оседлых христианских общинах, незаметно для себя самого толковал учение Иисуса сообразно со своими настроениями и воззрениями.

Греко-римский мир апостольского и послеапостольского мира мечтал о спасении души, расколов единство космоса, приняв одну его половину и отвергая другую. Новоплатоновцы стремились к невидимому Благу, преодолевая зло чувственного мира; хотели от плоти подняться к Божеству, вырабатывая формы аскезы и утверждая дуалистическое миропонимание. Аналогичные дуалистическо-аскетические моменты находим мы и у новопифагорейцев и стоиков. Иудаизм, поддаваясь эллинистическим влияниям, и продолжая своё развитие, подошёл к тому же. Назореи избегали всего «нечистого», отдавали себя Богу, творя «великий обет»; вино не касалось их уст и железо – их длинных волос. Терапевты удалялись от мира в свои «монастыри», предаваясь там чтению своих священных книг и созерцанию. Ессеи приносили «страшную клятву» – чтили Бога, исполняли Его заповеди, жили вместе, отказываясь от личного имущества и постясь. Везде всплывает дуалистическо-аскетический идеал – порыв к Богу и жажда спасения. И не только идеал, а и формы его осуществления уже подготовлены долгим развитием. Монашеские общежития встречаем мы у терапевтов, ессеев и служителей Сераписа. Одиноким аскеты выходят из среды новоплатоновцев.

Стремящиеся к совершенству прежде всего останавливались на привычном для них идеале аскезы, думая не о других, а о своей душе. Они искали в христианстве того, что уже жило в них самих. Огненными буквами были написаны для них призывы Христа к самоотречению, и сияние этих букв затемняло или представляло в ином свете социально-религиозное содержание христианства, переставшего быть учением немногих и понимаемого иначе, чем прежде. И где могли найти они идею апостольства, которую клир старался сделать исключительно своим достоянием и которую толковал иначе, чем прежде толковали её сами апостолы? Сочетание апостольской миссии с аскезою стало как-то трудно осуществимым. Крайнее развитие одной исключало другую. Пресвитеру, или диакону, или епископу, посвящавшим свои силы заботам о жизни общины, материальным и культовым задачам, трудно было развить энергию аскезы. С другой стороны, аскет, озабоченный своею судьбой, не склонен был думать о ближних. Христос призывал к самоотречению. Он говорил, что не было «среди рожденных женщинами» человека выше Иоанна Крестителя, а Иоанн был суровый аскет, истязавший свою плоть одеждою из верблюжьей шерсти, питавшийся акридами и диким мёдом. Иоанн «не пил и не ел». Христос звал идти за Собою, а Сам Он удалялся в пустыню, постился сорок дней, избрал себе плотские страдания. И в Ветхом Завете Моисей, Илья и Елисей удалялись в пещеры, и собирались около них «сыновья пророков». Правда, апостол Павел не звал в пустыню, но и он, как все, склонялся к той же форме аске-

тизма, предписывая так пользоваться благами мира, чтобы это не походило на пользование ими. Так в христианском учении находили не только аскетический идеал, действительно присущий ему, но и ту форму этого идеала, которая соответствовала вкусам и стремлениям эпохи. Так в идеале совершенства выпадал элемент апостольской миссии, что было облегчено развитием христианства. Умеренному идеалу противопоставлялся уже не идеал аскета-апостола, а идеал аскета-одиначки, спасающего только себя и видевшего в этой задаче суть учения Христа и настоящее подражание ему.

2. Рано появились аскеты. В конце I века в римской общине некоторые христиане добровольно воздерживались от брака или от супружеских сношений. Игнатий Антиохийский увещал всех, кто может, хранить в честь тела Господня девство. По свидетельству современных писателей, много женщин и мужчин сохраняло целомудрие от детства до глубокой старости. Ориген считает отличительными чертами истинного христианина безбрачие, отказ от собственности, воздержание от мяса и вина, посты, и сам живёт самоотверженным аскетом. Отцы Церкви старательно противопоставляют христианских аскетов языческим, но они не в силах затушевать тождественность стремлений тех и других. Аскеты уже пользуются особым уважением в Церкви. В храмах они занимают место рядом с пресвитерами, вдвигаясь между клиром и мирянами. Вместе с пророками, апостолами и мучениками аскеты причисляются к столпам Церкви, напоминают светлую толпу девственников, изображенную автором Апокалипсиса. Приходится уже сталкиваться и с их подымающимся самосознанием, указывать им на опасность и неуместность гордыни.

Трудно провести линию, отделяющую аскетов от религиозных мирян, но кое-где аскеты обособляются в особые группы: в общежития (аскетерии) или в бродячие товарищества. Такие уже дальше от мира, но всё ещё в нём. Другие были решительнее, покидая свою семью и родину и удаляясь в пустыню. «Кто блажен?» – спрашивал Ориген и отвечал: «Тот, кто уходит от мира, чтобы всего себя предать Господу».

Воодушевленные увещаниями Отцов Церкви, девственницы замыкались от мира, образуя общежития; мужчины бежали в пустыню, следуя за Христом и Иоанном Крестителем. Епископ Иерусалима Нарцисс провёл много лет в дикой пустыне, вызвал сочувственное удивление своих современников. Росту пустынножительства способствовали и преследования христиан. При Деции (250–251 гг.), Валериане (257–258 гг.) и позже при Лицинии (315 или 319 г.) много египетских христиан бежало в пустыню и горы. Много из них гибло от голода и жажды, от болезней или диких зверей. Проходила гроза, и беглецы возвращались, но не все. Иные так и оставались в полюбившемся им уединении небольшими ли группами, одинокими ли анахоретами.

Египетские пустыни – колыбель монашества. Павел Фивский бежал от преследования Деция в горы Фиваиды, оставив своё соседствующее с пустынею поместье. Он избрал себе жилищем пещеру, открытую сверху и загороженную от посторонних глаз скалою. Пищею Павла были финики соседней пальмы, воду брал он в бьющем из скалы источнике. Он навсегда остался в своей пустыне, превратив временное и случайное покаяние в постоянное и любимое. Его не прельстило даже торжество христианства при Константине. «Основатель и царь монашеской жизни» умер в своей пещере глубоким старцем в 347 году. Львы, рассказывает легенда, вырыли могилу святому отшельнику. Павел случайно приобрёл известность. Большинство анахоретов жило и умерло в безвестности. Они селились около источника, около финиковой пальмы в пещерах или заброшенных могилах или под открытым небом в жалких шалашах. Они приносили сплетённые ими в часы досуга корзины или циновки в соседние селения и выменивали их на хлеб и соль. И пустыня превращалась в сад Господень, расцветала, как лилия. Анахореты как бы говорили Христу: *«Смотри, мы все оставили и последовали за Тобой!»*. *«Ступайте в Фиваиду!»* – восклицал позже Иоанн Златоуст. – *Вы найдёте там пустыню прекраснее рая, тысячи хоров ангелов в человеческом образе, целые*

племени мучеников, целые толпы дев. Там увидите вы скованным адского тирана и победоносным и славным Христа».

Анахореты рассеялись по пустыням Египта, не только по Фиваиде, а и по Нижнему Египту: по горам, окаймляющим долину Нила, в пустынях Скитской (теперь Вади или Натрун – на западе от дельты Нила) и Нитрийской (по соседству с первой). В III–IV вв. становятся заметными анахореты на Синайском полуострове, куда они проникли из Египта, в Сирии, Восточной Киликии, около Антиохии – в получающей имя сирийской Фиваиды Халкидской пустыне, в Палестине около Иордана и в других местах Востока. Единообразие жизни не было. Одни, как Павел Фивский, порывали всякое сношение с миром. Другие, как знаменитая Таис, замуровывались на всю жизнь, получая пищу и питьё через маленькое проделанное для этого отверстие (инклузы), третьи сковывали себя цепями так, что могли ходить только в согнутом положении. В V веке в северной Сирии развивается своеобразная форма отшельничества – жизнь на высокой колонне (столпничество). Но всех объединяло покаянное настроение и борьба с плотью во имя спасения души и единения с Богом. Это же связывало анахоретов пустынь с более близкими к миру аскетами. Последние жили около городов или в самих городах, по двое, по трое вместе, не вполне отказываясь даже от имущества (сарабиты), или бродили с места на место (гироваги), даже основывали новые христианские общины, как бы продолжая деятельность апостолов. Некоторые ограничивали своё блуждание одною пустынею (боски), питаясь травами и кореньями, как звери. Но главным слоем, с которым связана дальнейшая история монашества, всё же оставались относительно оседлые анахореты пустынь. Остальные виды монашества исчезли в дальнейшем его развитии.

С самого начала наряду с совершенно одинокими анахоретами были и гнёзда их; и чем больше распространялось бегство от мира в пустыню, тем больше становилось таких гнёзд. Незаметен и неуловим поэтому переход от чистого анахоретства к общежительным формам монашества, и только предание связывает первые объединения анахоретов с именем Антония Египетского. Рано лишившись родителей, он увлечён был волною аскетизма. Услышанные им в церкви слова Христа, обращённые к юноше, были для него призывом к жизни анахорета: дитя своего века, он чужд был понимания их в смысле призыва к апостольской деятельности. Антоний сначала начал жизнь пустытника под руководством старого анахорета, потом перебрался в горную пустыню на правом берегу Нила, поселившись в развалинах оставленной крепости. Друзья приносили ему пищу. Медленно росла слава Антония, привлекая к нему жаждавших совета духовного мирян и подражателей, селившихся около. В начале IV века «вся окрестная пустыня уже была заселена монахами», понастроившими себе хижины или избравшими жилищами своими пещеры. Антоний был их «отцом». В 311 году он покинул своё уединение, чтобы ободрить преследуемых Максимином александрийских монахов. Он вернулся назад, но не надолго. В поисках уединения Антоний поселился на пустынной горе около Красного моря. Но «отец» не оставил своих детей, время от времени посещая их, ободряя и наставляя, радуясь преуспеянию маленького посёлка.

Добровольно сплотились около Антония ученики, охотно подчинившись руководству его или указанных им старых испытанных братьев. Мы ещё далеки от монастырского общежития, но объединение анахоретов уже совершилось. Ученики и преемники Антония планомерно продолжали работу великого пустытника, создавая колонии еремитов – «лавры». Но следует заметить, что поздние предания связали с именем или влиянием Антония и многие самостоятельно возникшие лавры. Нам известны некоторые из «еремиториев» в Нижнем Египте. У каждого пустытника была своя «келья». Днём каждый работал для того, чтобы добыть себе пропитание и одежду. С девяти часов он начинал в своей келье пение псалмов. В субботу и воскресенье все собирались в маленькой церкви. Один из анахоретов-пресвитеров совершал Евхаристию и проповедовал. Испытанные пустытники могли оставлять свою

колонию и удаляться в кельи, находящиеся на таком расстоянии друг от друга, что спасающиеся в них не могли видеть и слышать друг друга. Но по субботам и воскресеньям и они собирались в общую церковку. В подобных колониях, даже в скитской пустыне, где сильнее выдвигалось уединение, уже ясно проступает общежительный момент. И в то же время они не чужды некоторой связи с миром. Пустынники сбывают свои работы в соседние селения. Заходят к ним и миряне; для посетителей даже выстроено особое помещение – гостиница. Число анахоретов, живущих в таких лаврах в Нитрийской пустыне, доходило в IV веке до 5000 человек; число «учеников Антония» определяли в 6000.

Пахомий, прежний солдат, ещё до принятия им христианства был аскетом. Он жил пустынником на берегу Нила, около оставленного храма Сераписа, обрабатывая огород, плодами которого питался, отдавая излишек бедным. Приняв христианство, Пахомий скоро пришёл к мысли о создании монашеского общежития, в котором живущие вместе монахи были бы объединены не только фактом сожительства, но и общностью служения Богу. С помощью собравшихся около него учеников Пахомий построил несколько домов для жития монахов с церковью в их центре. Возник первый монастырь Табенниси (до 328 г.). Вместе с увеличением притока учеников появилось и девять других, среди которых первое место занял Бафуа (теперь Фау). Немного позже Пахомий основал и два женских монастыря. Монахи Пахомия отличались от прочих прежде всего однообразною одеждою. Они отказывались от всякой личной собственности. Жизнь их протекала в молитвах и труде: плетёных работах, садоводстве и огородничестве, позднее – ещё в земледелии и ремесленных работах. Развитие хозяйственной деятельности общежития привело даже к некоторой дифференциации труда внутри их, и одно из житий Пахомия называет целый ряд монахов, посвятивших себя определённому роду деятельности: 7 кузнецов, 15 сапожников, 50 земледельцев и так далее. Но труд не являлся самоцелью, он рассматривался как служение Богу и должен был сопровождаться молитвами и молчанием. Принятые в число братьев только после некоторого искуса и наставлений, даваемых опытными, «истинными» монахами, становились полноправными членами общежития. Монахи каждой «лавры» делились на декурии. Для каждого двадцати монахов отводилось особенное здание, в котором они и жили под надзором и руководством «домоправителя» (οἰκιακός), причём деление это совпадало с делением монахов по роду занятий. В общем доме у каждого была своя келья, двери которой для облегчения надзора всегда должны были быть открытыми. Три-четыре дома составляли трибу, каждая из которых по очереди в течение недели несла на себе работы, касающиеся всего монастыря, заведую кухней, церковью и прочим. Утром и вечером все собирались на общую молитву; по субботам и воскресеньям – на литургию. Три раза в неделю «старшие» наставляли братьев в вере и монашеской жизни, разъясняли их недоумения. «Старшие» же руководили и чтением братьев, указывая им, какие книги следует брать из монастырской библиотеки, отвечая на возникавшие по поводу этого чтения вопросы. Таким образом, религиозная жизнь брата определялась известною одинаковою для всех формою более, чем в лаврах Нитрийской или Скитской пустынь или в монастырях Антония. Этим был положен предел личной религиозной инициативе, и желающий спастись, вступая в монастырь Пахомия, признавал известный идеал жизни и, подчиняя ему свою волю, мог проявлять своё религиозное воодушевление только в рамках, данных запечатленной в уставе традицией. Может быть, благодаря этому до известной степени и ограничивался религиозный порыв, но зато традиционная форма жизни, устраняя возможные индивидуальные отклонения, тем более влияла на среднюю массу вступающих, воспитывала их и не позволяла отступать назад.

Отдельные общежития не теряли связи друг с другом. Дважды в год все монахи должны были собираться в главном монастыре, аббату, или «отцу», которого были подчинены местные аббаты. И связь была тем сильнее, что она не была только религиозною. Всё сработанное монахами доставлялось чрез посредство местных аббатов в Бафуа, где главный

эконом распределял всё доставленное между отдельными монастырями сообразно их нуждам, излишек же отправлял на продажу в соседние города, даже в Александрию. И понятно, что, несмотря на всё стремление Пахомия огородить монастырь от мира, связь между тем и другим с течением времени только крепла и развивалась.

Так под неограниченную власть главного аббата жила крепкая и единая организация, обеспечивавшая личное спасение определёнными формами труда и молитвы, протекавших под строгим и бдительным надзором, и в то же время обеспечивавшая своё существование продуманной организацией монашеского труда и связью своею с экономической жизнью страны. Труд – неверный источник существования одиноких анахоретов и лавр – стал основой жизни организации Пахомия. Спасение души на собственный страх заменилось спасением её в определённых формах монастырской жизни, созданных сознательно и обдуманно. Жизни одинокого пустынника была противопоставлена жизнь монаха. И в то же время монахи, когда-то покинувшие мир, вновь подошли к нему, звали мирян в свою гостиницу (ксенодохий), приходили к мирянам, продавая свои товары. Монастырь Пахомия становится важным религиозно-социальным фактором: бежавшие от мира вновь начинают служить ему, может быть и сами не замечая этого.

Ещё ближе монашество к миру в монастырях, связанных с именем Василия Великого (†379 г.). Василий был в Египте и Сирии и, вдохновлённый примером тамошних монахов, раздал, вернувшись на родину (в Каппадокию), всё своё имущество бедным и удалился в понтийскую пустыню (недалеко от Неокесарии). Около него собрались анахореты и «обновился лик всего Понта». Василий покинул пустыню для епископата в Кесарии, но он не оставил любимого своего идеала, выраженного им в двух уставах монашеской жизни. По этим уставам василианские монахи ведут жизнь отречения, бедности и целомудрия в строгом послушании своему настоятелю и в смирении. Молитва и труд наполняют их день, братская любовь их объединяет. Сообща молятся они, сообща едят и спят: особые кельи почти оставлены. Вступающий в монастырь проводит некоторое время послушником, благодаря чему постепенно входит в монастырскую жизнь, и только после этого становится «малосхимником», то есть обыкновенным монахом. Ещё сильнее, чем у Пахомия, выдвинуто значение труда (земледелия и ремесла). Монахи Василия стремятся не только к созерцательной жизни, хотя принятием великой схимы и связанной с этим уединенною замкнутою жизнью открывается путь и к ней, но и к деятельности «апостольской». Они принимают на себя заботы о бедных и больных, чему способствует близость василианских монастырей к стенам города. «Мы принимаем сирот, чтобы, по примеру Иова, сделаться отцами их; тех же, у которых есть родители, мы принимаем только, когда их приведут сами родители... Должно воспитывать детей во всяческом благочестии, как детей братства». Благодаря этой воспитательской деятельности монастыря, ему открывается широкий путь воздействия на мир и распространения аскетического идеала. Но миссия василианского монастыря ещё шире. Желаящие преуспеть в вере миряне могут временно пребывать в монастыре. Точно так же и монахи могут покидать его на время, посещать родных, неся в мир свет Христов. Так у Василия воздействие на мир становится необходимым элементом монашеской жизни, и аскеза вновь робко сочетается с миссией, напоминающей апостольскую.

Рассмотренные формы аскезы появились не сразу. Древнее всего – воздержанная жизнь в миру, разнообразная по степеням своей строгости, и анахоретство. Несколько позже появляются, с одной стороны, аскетерии в миру, с другой – лавры и монастыри. Но ни те, ни другие не вытесняют прежних форм, и развитие анахоретства продолжается наряду с расцветом общежительных форм монашества, частью вырастая на почве самих лавр или монастырей. Было бы неправильно устанавливать историческую преемственность форм монашества и аскезы, считая лавру развитым анахоретством и монастырь – развитою лаврою. Все формы аскезы вытекают из однородного понимания идеала христианского совершенства, а то, что

иногда лавра – совокупность анахоретов – образуется в результате случайного соседства пустынников или сплочения их около известного своею святостью аскета, является моментом внешним и случайным. Не из стремления лучше осуществить идеал анахорета вытекала мысль о создании лавры и тем более монастыря, отличавшегося от первой преобладанием общежительного начала, а из иного представления об этом идеале, из сознания трудности его осуществления для одинокого пустынника, из желания обеспечить спасение души могучею помощью традиционных форм и соединить достижение личной святости с осуществлением заветом Христа, предписывавшего не только аскезу, но и взаимную любовь (понимаемую чаще всего как любовь между монахами) и помощь всем, нуждающимся в помощи. Идея монашеского общежития только пользуется естественно возникающими группами анахоретов. В волнующейся массе аскетов мало-помалу всплывают более прочные и долговечные организации, обязанные своим существованием сознательной работе таких пустынников, как Пахомий или Василий Великий. Позднее им будет принадлежать первенствующее положение, но к нему приводит медленное и неуловимое в частностях своих развитие.

Глава II. Западное монашество до Бенедикта

1. Не прерывавшие общения с Церквами Востока Церкви Запада воспитывают то же понимание христианского идеала и столь же легко поддаются аскетическим тенденциям эпохи. Уже в половине III века приобретают всё большее значение аскетические требования. Ревностные христиане и христианки, отрeksiсь от имущества и брачных уз, по двое, по трое живут в городах, образуя знакомые нам аскетерии – «*solum aut primum genus monachorum*» Италии, по выражению Блаженного Иеронима. Повышение религиозности понимается как аскеза. Галльский магнат Павлин Ноланский отказывается от своих богатств, братски живёт со своею женою и переселяется в Италию к могиле святого Феликса. Сделавшись епископом, он не перестаёт покровительствовать монашеству и аскетизму. Всё прочнее укореняется обычай при вступлении в ряды клира порывать плотские сношения со своею женой, и Собор в Эльвире (306 г.) угрожает нарушителям этого обычая лишением сана. Даже среди простых мирян распространяется «духовный брак». Девы дают обет безбрачия, посвящая себя Христу. Знатная римлянка Азелла, с 12 лет «заключив себя в теснины одной комнаты, услаждается широким пространством рая». Она постится, носит грубую тунику, терзающую юное тело. «Никогда не появлялась она в публичных местах, не говорила с мужчинами. Почти невольно поспешала она к преддверию мученичества». Другие в храме торжественно приносят свой обет и получают особое покрывало, приличествующее невестам Христовым (*Virgines velatae*). «Много вдов и дев живут вместе, зарабатывая себе пищу тканьем. Во главе их стоят наиболее почтенные и опытные в нравственном воспитании и образовании духовном». Мало-помалу устанавливается правило ненарушимости обета девства, особенно для торжественно произнесших его *virgines velatae*.

Знатная римская матрона Марцелла, потеряв мужа через семь месяцев после свадьбы, решила вести религиозную жизнь. Богатый, но уже старый магнат тщётно добивался её руки. «Иногда и молодые умирают рано», – прислал он сказать ей, намекая на смерть её мужа. «Молодые иногда умирают рано», – отвечала она, – но старик не проживёт долго». Избрав себе уделом «вдовство Христово», Марцелла отказалась от роскошных одежд, «отвергла золото вплоть до ничтожного кольца». Боясь искушений, она не вступала в беседы наедине даже с клириками и монахами, окружив себя почтенными матронами и целомудренными девами, не посещая дома замужних, «чтобы не видеть того, что презрела». Постясь, молясь, читая Священное Писание, живо интересовалась Марцелла делами Церкви, употребляя в её пользу всё своё влияние. Ей известно было восточное анахоретство, но тогда в Риме монашество считалось ещё подозрительным новшеством, и, несмотря на близкое знакомство с Иеронимом, несмотря на красноречие этого бурного аскета, Марцелла осталась в миру.

На Западе аскетические тенденции прежде всего проявились в большей строгости жизни ревностных христиан, в распространении идеала девства и аскетических требованиях, предъявляемых к клиру. Распространёнейшею формой жизни аскетически настроенных мирян являются общежития аскетов или аскеток около города или в самом городе (аскетерии – «*diversoria sanctorum*», как называет их Блаженный Августин). От этих аскетериев через отдельные группы и семьи, ведущие более строгий образ жизни, как группа Марцеллы или семья Павлы, впоследствии вместе с Иеронимом переселившаяся в Вифлеем, незаметен переход к обыкновенным мирянам. С другой стороны, были и люди, уходившие от мира, бежавшие на Восток, как Иероним, Руфин и обе Мелании, основывавшие там монастыри. Но насколько здесь Запад самостоятелен, сказать трудно. Во всяком случае влияния родины монашества – Востока сказались очень рано и сплелись до неразличимости с западною аскетическою струей.

Виднейшие Отцы Церкви распространяли идеи аскетизма. «Бог хочет, чтобы в нас было Его подобие, чтобы были мы святы, как свят Он сам». «И что будет с тем, кто отдаёт на поругание члены Христовы и превращает дом Духа Святого в дом порока?» Первою ступенью святости является девство от рождения, второю – девство от второго рождения, то есть от крещения, третьего – моногамия, «когда после одного брака отказывают от влечений пола». Но и единый брак как-то не вяжется с аскетическим настроением эпохи. Правда, сам Тертуллиан, считавший второй брак видом блуда (*species stupri*), не решается вполне осудить брачные узы. Однако и он, и Августин, и Киприан, и другие бьются в заколдованном кругу. – Чувство их осуждает всякое плотское влечение и общение, но и Христос, и апостолы признавали брак благом. Отцы Церкви готовы признать брак уступкою человеческой слабости: «лучше жениться, чем внутренне сгорать»; но, вопреки своему чувству, они должны признать благословляемый Церковью и Христом плотский союз благом. И поэтому неясны и противоречивы их мнения. Зато тем единодушнее и определеннее они в восхвалении девства. *«Хвалю женитьбу, хвалю замужество, но потому, что рождают мне дев. Из шипов достаю я розу, из земли – золото, из раковины – жемчужину».* «Я охотно сказал бы, – пишет Иероним, – что Бог может все, и однако не может Он возродить падшую деву. Он может освободить от наказания, но не может возродить испорченной». Страданиям брака, «когда пухнет чрево, движется младенец, растерзывая тело», противопоставляется слава девства. В будущей жизни девственниц ожидает особая честь: *«Звезда отличается от звезды сиянием своим, так и воскресение мёртвых».* Девы должны гордиться Матерью Божьей – непорочною девственницей. По духу и девы – матери Христа. Или: Христос, сын Девы, – жених и краса их. – Но есть девы-язычницы. И, принижая их славу, Отцы Церкви стараются показать, что есть принципиальное различие между целомудрием языческим и целомудрием христианским: девство дорого не само по себе, а тем, что оно посвящено Богу. Однако не эта мысль, а аскетическое чувство влечёт к прославлению целомудрия.

Трудно соблюсти непорочность. *«Враг наш – дьявол. Он спешит похитить людей из Церкви Христовой».* С ним надо бороться: *недаром сказал Спаситель, что принёс Он на землю не мир, а меч. «Храните, девы, храните то, чем начали быть; храните то, чем будете!».* Не надо посещать брачные пириества, *«присутствовать при той свободе распущенных речей, которые не следует, нельзя произносить».* Не должно сидеть на пирах, во время которых *«разгорается голод любострастия и невеста одушевляется к терпению сладострастия, жених – к его дерзости».* *«Вино и юность – двойной пожар сладострастия».* Девам следует избегать общения даже с женщинами, потому что они уже отравлены вождением. *«Будь цикадою ночей!»* – «Цвет девы – сам Христос». Но мало презреть плоть. Надо презреть и богатства, как презираем мы мир. *«Не наносите ран ушам своим, не привешивайте к ним серёг, не возлагайте ожерелий и золотых цепей на шею. Пусть ноги ваши будут свободны от золотых помех, волосы не окрашены, глаза взором своим достойны Бога».* Скромность и бедность – достояние истинных праведников.

2. И вместе с увещаниями святителей несётся чарующий ветер с пустынь Востока, появляются на Западе анахореты Египта, доходят рассказы и легенды о них. В 335 году в Трире появился автор «Жития святого Антония» Афанасий Великий. Он был и в Риме, где вместе со своими спутниками авторитетно распространял идеи восточного монашества. Тёплый приют в аскетически настроенных римских кругах нашли епископ Антиохии Павел, епископ Констанции (на Кипре), Епифаний, прибывший с ним вместе Блаженный Иероним и другие. Под влиянием их рассказов и примера часть религиозно настроенных людей устремилась на Восток, часть старалась на Западе насадить восточное монашество. Августин рассказывает, как он и его друг Алипий познакомились с жизнью египетских анахоретов. К увлеченному чтением Посланий апостола Павла Августину зашёл его знакомый Понтициан. Радостно заметив, что Августин и Алипий всё более увлекаются христианской жиз-

нию, Понтициан стал им рассказывать о «египетском монахе Антонии, имя которого ярче других сияло среди имён рабов Твоих». Удивлённые слушатели узнали о «толпах монахов и о плодородных пустынях». Сам Понтициан познакомился с жизнью восточных пустынников совершенно случайно. В бытность императора в Трире он вместе с товарищами отправился погулять за стены города. Двое из них забрели в какой-то дом и нашли там на столе книгу, содержащую житие святого Антония. Один из них стал читать её и, поражённый, увлёкся открывшимся перед ним новым миром настолько, что решил оставить императорскую службу и служить одному Христу. «Я оторвал себя, – сказал он товарищу, – от наших надежд и решил служить Богу. С этого часа я остаюсь здесь [в этом доме жили какие-то „Рабы Божии“]. Если тебе тяжело подражать мне, не думай, по крайней мере, мне мешать». Но товарищ присоединился к нему, и, несмотря на уговоры друзей, оба покинули мир.

Часто с жизнью и идеалами восточного пустынножительства знакомит случай. Но мало-помалу пропаганда становится всё планомернее. Иероним, Руфин и Сульпиций Север сделали доступным обаяние восточных пустынь широким кругам Запада. Служивший Богу и спасавший себя в Сирийской Фиваиде Иероним рассказывал и писал о том, как «в обширной пустыне, сожжённой лучами солнца», ему мерещились соблазны римской жизни, как мысленно, а может быть и галлюцинируя, вмешивался он в «хоры дев». «Уста бледнели от постов, а душа бурлила желаниями в хладном теле, и пред человеком, уже ранее положенного ему времени мёртвым в плоти своей, кипели одни пожарища сладострастия». Руфин сам был в Египте и сообщал захватывающие внимание легендарные сведения об египетских пустынножителях. Смешивал легенду с действительностью и Сульпиций Север. И жадно читались новые книги, напряжённо внимали рассказам об анахоретах, считающих непозволительною роскошью всё, кроме воды и хлеба. Привлекал героизм пустынников, отрёкшихся от мира и бросившихся навстречу опасностям в надежде на одного только Бога. Страшна пустыня. Там живут дикие, невиданные звери; там готовы всякого растерзать свирепые драконы, достигающие 15 локтей в длину. Один взгляд их убивает человека. Трудна жизнь пустытника, страшны голодная смерть и дикие звери, но ещё ужаснее искушения.

К одному анахорету пришла какая-то женщина и попросила у него приюта на ночь. Пустытник согласился, забыв о хитрости дьявола. Он понял это слишком поздно, когда уже поддался её соблазнам и обнял её. Пришлица «тонкою тенью» с диким воем исчезла из рук его, а черти, которых в пустыне множество, стали издеваться над легкомысленным отшельником: «О, ты, возносившийся до небес, как низко ты пал, до самого ада!». Отшельник мог ещё спастись, начав снова трудную жизнь лишений и самоотречения. Вместо этого он отчаялся, вернулся в город и предался «всяческому бесстыдству». Отчаянье в своём спасении губит человека – твёрдость и святое упорство венчаются победою. Один грешник, раскаявшись в своих грехах, бежал в пустыню. Но демоны не легко упускают свою жертву. Бесильные поколебать его решение, они три ночи подряд нещадно били его. Новый анахорет был твёрд, предпочитая смерть жизни во грехах. И демоны отступили от него с воем: «Ты победил, ты победил!».

Святой человек может не бояться ничего. От голода его спасает Бог, посылающий хлеб святым пустынножителям, как некогда Он питал пророка Илью. Демоны над святым не властны. Звери покорны его воле. Пустытники руками ловят змей и драконов. Один ужасный дракон нагнал страх на всё селение. Жители обратились за помощью к анахорету, и тот словом своим убил опасного зверя. Все сбежались, изумлённые чудом, но ещё боясь даже трупа дракона, от которого шла страшная вонь, всегда сопровождающая демонов. Только по приказанию ободрившего их анахорета, поселяне засыпали дракона песком.

К пустыннику Аммону часто заходили разбойники. «И, так как часто терпел он от них обиды, пошёл он в пустыню и привёл оттуда с собою двух громадных драконов, и велел им оставаться у порога своего монастыря и охранять вход в него». Сильны святые люди, но

им необходимо смирение. Это доказывается примерами и наставлениями святых египетских аббатов и погубленных гордынею анахоретов. Аббат одного монастыря посылал с хлебом к отшельнику, живущему вне монастыря, двух мальчиков. Однажды, возвращаясь, встретили они змея. Мальчики не испугались, а схватили его и, завернув в одежду, с торжеством принесли в монастырь. Все хвалили твёрдую веру мальчиков, только аббат понял опасность их ранней гордыни и приказал обоим высечь, чтобы не приписывали они своей вере дела Божьи.

Подобные рассказы, характеризовавшие идеалы пустынножительства, пленяли воображение современников. К героизму анахоретов, к титанической борьбе с дьяволом рвался аскетически настроенный дух. И пустыня казалась обетованной землёй. *«О, пустыня, благоухающая весенними цветами Христа! О, пустыня, родившая камни, из которых в Апокалипсисе построен град великого царя! О, пустыня, доверчиво радующаяся Господу! Здесь можно, освободясь от бремени тела, взлететь к чистому сиянию эфира»*. Но, увлекая чувство своими легендами и рассказами, те же энтузиасты восточного монашества знакомили с правилами его жизни: они перевели на латинский язык уставы Пахомия и Василия Великого.

3. Результатом восточного влияния было усиление на Западе аскетического течения. Приверженцы анахоретства и монашества Востока радостно смотрели на расцвет западных монашеских обществ, на стремление в Египет или Палестину, где возникали общины западных монахов и монахинь (таковы были два основанных Иеронимом и Павлою в Вифлееме монастыря, мужской и женский). Но они стремились к большему: к устранению аскез и замене их монастырями. И здесь им пришлось натолкнуться на серьёзное сопротивление.

Во время пребывания Иеронима в Риме при понтифике Дамасе (382–385 гг.) Гельвидий, «новый Герострат», оспаривал девство Марии после рождения Христа. Этим подрывался один из главных аргументов сторонников монашества. И сам Гельвидий выступал против притязаний монахов на особое положение в Церкви. Около того же времени суровый аскет Иовиниан вместе со своими приверженцами начал борьбу с излишествами аскезы. Благодаря проповедям «христианского Эпикура» многие покинули безбрачную жизнь. Иовиниан восставал против чрезмерного поста: отказ от пищи не более угоден Богу, чем вкушение её с благодарностью; всё создано на потребу человека, и сам Христос принимал участие в брачном пире. Постясь, христиане подражают язычникам – жрецам Кибелы и Изида. Утверждая непорочность Девы Марии после рождения Спасителя, они отрицают истинность тела Христова. И дев, и вдов, и замужних ожидает на небесах одинаковая награда. Несколько умереннее в своих нападках был галльский пресвитер Вигиланций. Но и он боролся с излишествами аскезы и недоброжелательно смотрел на рост монашества. Вигиланций затрагивал чрезвычайно важный пункт о внецерковности монашества. «Если все уйдут в пустыню, – говорил он, – кто будет заботиться о церквях? Кто будет обращать мирян? Кто станет призывать грешников к добродетели?» Вигиланций верно намечал пределы возможного распространения монашества. Равным образом и за деятельностью Иовиниана и Гельвидия можно усматривать естественный протест сторонников умеренного христианского идеала, понимавших непримиримость монашества и жизни. Но, если монашество не могло превратить в монахов весь мир и увлечь в пустыню клир, растущая популярность аскетического идеала обеспечивала дальнейшее распространение монашества на Западе и быстрое исчезновение противоаскетических течений. За аскезу вступились такие люди, как Иероним и Амвросий, и добились осуждения противников при деятельном сочувствии большинства видных иерархов.

Епископы основывают монастыри и содействуют их процветанию. Амвросий создаёт около Милана монастырь, во главе которого стоит пресвитер. Появляются монастыри в Кремоне, Болонье, Равенне, около Павии, в Неаполе, Террачине, в Кампании и Сицилии. На юге Италии селятся василианские монахи. Августин прилагает большие усилия к организа-

ции африканских женских монастырей и вводит в среде своих клириков подобный монашескому образ жизни. Такой же прототип каноникатов появляется в Верчеллах благодаря стараниям епископа Евсевия. Кажется, что заветная мечта Иеронима близка к осуществлению. «Много, – пишет он, – монастырей, дев; бесчисленно множество монахов, и участвовавшее служение Богу, прежде бывшее бесчестьем, становится славою». Движение не ограничивается Италией. В IV–V веках монастыри появляются в Галлии, в половине V века они лепятся на южном склоне Юры; несколько позже распространяются по Ирландии и Англии; оттуда перебрасываются в Шотландию. Быстро растут монастыри и в далёкой Германии и в Испании, где уже в IV веке с ними борется местный клир.

На Западе не было таких пустынь, как египетская Фиваида, обработать которую были бессильны человеческие руки. А между тем стремление к анахоретству и общежитиям пустыни не всех заставляло покидать родину и искать спасения на Востоке. Жаждавшие пустынножительства уходили в леса или горы, заселяли безлюдные острова Тирренского моря или побережья Далмации. Но такие западные «пустыни» быстро и легко поддавались труду монахов, превращаясь благодаря их самоотверженной работе в цветущие места, раскрывая природное своё плодородие. С другой стороны, эти «пустыни» ближе лежали к населённым центрам, чем окраины Фиваиды, были меньше размерами и поэтому скорее вступали в общение с миром. На Западе было немыслимо долгое обособленное существование монастырского общежития, и особенности страны всегда делали труд пустытника продуктивным. Благодаря всему этому на Западе трудно было удержаться крайним формам обособления от мира, как бы ни был силен аскетический порыв. И внешние условия, а не «практический дух Запада» – величина для историка неуловимая – определяли судьбы западного монашества, преобладание в нём форм жизни, подобных василианской. Лавры Пахомия или монастыри Василия Великого, особенно последние, тоже близки были к миру, но эта близость вытекала из сознательного стремления их основателей, а не являлась независимым от воли монахов следствием географических и социальных условий. К этому присоединились и внутренние особенности монашества Запада. На Востоке развитие форм аскетической жизни было свободным и самодовлеющим процессом. На Западе теоретики и энтузиасты аскезы сознательно стремились воспользоваться местными аскетическими течениями для насаждения монашества восточного типа. Ускоряя естественный процесс, они нетерпеливо пытались сломить косность христианского общества, бросались в литературную полемику со своими противниками, готовы были мечтать о монахизации всего мира. В силу этого резче всплыло различие христианского и христианско-аскетического идеалов, и возникавшее в бурях борьбы западное монашество этою самою борьбою связывалось с клиром и миром. Но это приближение к миру только сильная тенденция, наряду с которой существовали и другие. Характерные черты западного монашества только определялись, и первые моменты его существования во многом аналогичны восточному. Условия жизни и незаметные для современников особенности западного аскетизма лишь медленно обнаруживаются в его постепенно нарастающих индивидуальных чертах.

4. В первой четверти IV века мы находим в Вероне затворницу (инклузу) Тевтерию или Туску. Другая римская затворница того же IV века провела в молчании 25 лет. Много инклузов было в Галлии, и среди них 12-летний мальчик Анатолий. Нередко затворничество или анахоретство являлось исходным моментом монашеского общежития. Есть некоторые намёки на существование бродячего монашества. По свидетельству Августина, «под монашеской одеждою по провинциям блуждает много лицемеров, никуда не посланных, нигде не останавливающихся, нигде не сающихся». Они обманывают народ, требуя «оплаты мнимой святости». К таким «гировагам» может быть причислен и известный уже нам Иовиниан вместе со своими «министрами». До известной степени в связи с этим видом монашества стояли так называемые циркумцеллионы, выродившиеся в секту и доставившие много

хлопот африканской Церкви. На Западе Церковь ранее, чем на Востоке, выступила с энергичными мерами, направленными к устранению этих отрицательных или подозрительных видов монашества, и постарались огородить его от мира. Арльские Соборы 443 и 452 гг. и Турский 461 г. запретили возвращение монахов в мир; Ваннский Собор 465 г. запретил монахам передвижения без епископского дозволения.

Возникновение монастырей в большинстве случаев ускользает от нашего наблюдения, но общие черты всплывают в единичных, доступных изучению, процессах.

Сын римского военного трибуна Мартин ещё отроком, получая своё образование в Павии, сделался оглашенным (катехуменом), мечтал о пустыне и жизни анахорета, но мечта осуществилась позже. От 15-ти до 20-ти лет Мартин служил в войске, 18-ти лет принял крещение и, оставив военную службу, преследуемый на родине арианами, изгнанный ими из Милана, бежал на остров Галлинарию (Isola d'Albenga), около Генуи. Здесь вместе со спутником своим, каким-то пресвитером – «мужем великой добродетели», питался он корнями трав. Позже, после 360 г., Мартин появляется около епископа Пуатье Гилария. В верхней Италии святой ознакомился с итальянским монашеством, окружавшие Гилария аскеты содействовали его решению отречься от мира. Мартин получил от Гилария небольшой кусок земли поблизости от Пуатье и основал на нём маленький монастырь (Monasterium Locosiagense – Ligugé). Насильственно посвящённый в епископы Тура, Мартин продолжал свою аскетическую жизнь, вызывая порицания со стороны других епископов за своё «презренное лицо, за грязную одежду и неподстриженные волосы». В дикой пустыне между Луарою и обрамлявшими правый её берег скалами основал он новый и наиболее известный монастырь (Majus monasterium – Marmoutier). «Место было так скрыто и удалено, что Мартин мог не желать уединения пустыни». Но для него Мармутье служил лишь временным прибежищем и местом отдохновения от пастырских забот. Мыслью благочестивого епископа было основать строгий монастырь. Собравшиеся около него 80 учеников вели крайне суровую жизнь, отказавшись от имущества и живя милостынею из доходов церкви. Жилищами их были пещеры или деревянные хижины. Как египетские пустынники, сходились они вместе только на общую молитву и поздний и скудный вечерний обед. Как Иоанн Креститель, одевались они в одежды из верблюжьего волоса. Более старые молились и несли на себе церковные службы, более молодые переписывали священные книги. До глубокой старости насаждал Мартин монашество в Галлии, основывая всё новые и новые монастыри. 2000 монахов провожали его тело в могилу, около которой скоро начали совершаться чудеса.

К знатному роду северной Франции принадлежал святой Гонорат. Его не привлекала политическая деятельность или спокойная жизнь крупного магната, не привлекала и литература – гордость галльской знати V века. Рано начал он думать о святом одиночестве. Чтобы развлечь сына и прогнать несоответствующие положению магната мечты, отец отправил Гонората вместе с его братом Венанцием путешествовать. Но Гонорат обманул ожидания отца, склонив к религиозной жизни и брата. Оба роздали свои деньги бедным и под руководством старца-отшельника Капразия начали аскетическую жизнь на одном из островков около Марсея. Увлечённые рассказами об отшельниках Востока, они отправились туда. Но вернулся один Гонорат: Венанций по дороге умер. Гонорат избрал для служения Богу один из леринских островков – Лерин (теперь St. Honorat), против Канн. Вся эта группа островов (самым большим был Леро, теперь Ste. Marguerite; окружность Лерина равняется трём километрам), покрытая болотами и лесами, кишущая змеями, была ещё не заселена. Здесь на Лерине Гонорат вместе с примкнувшими к нему аскетами начал жизнь египетских анахоретов (400–410 гг.). И, несмотря на постоянные туманы, на опасности одинокой жизни среди лесов, болот и змей, стремление к аскезе было так велико, что число учеников-пустынников быстро возрастало.

Свободно сложившаяся, заселившая Лерин, а за ним Леро и другие острова, группа напоминала строем жизни своей египетские лавры. Братья жили в отдельных «кельях», собираясь вместе на богослужения и, может быть, на обед. Рядом с этою осевшею на Лерине «лаврою», в других частях его и на Леро жили уединившиеся монахи-анакхореты. Во главе всех стоял сам Гонорат, ещё до основания своего монастыря принявший сан пресвитера, и его устными указаниями направлялась жизнь братства и анахоретов. Не писанный устав, а обычай определял пост и молитвы, песнопения и чтения Священного Писания. Источником существования был труд. Монахи ловили рыбу изготовленными их же руками сетями; обрабатывали землю, сея хлеб и возделывая виноград. И мало-помалу изменялся прежний дикий вид Леринских островов.

Лерин превратился в центр южно-галльской аскезы. Из него вышло много епископов. На него опиралось полупелагианство. Уже одно это указывает на некоторую духовную культуру леринских монахов. Но она, эта культура, свойственна не только монастырю святого Гонората. Указания на неё мы ловим и в известиях о других монастырских общениях эпохи (например, в том же Мармутье). Целью «монастырской науки» было чтение и изучение Священного Писания и душеспасительных книг, особенно житий святых и пустынников. Но она выходила далеко за эти пределы, не отличаясь резко от духовной культуры магнатов эпохи. Это объясняется социальным составом монастырей. Более всего и ранее всего увлекались аскетизмом Востока образованные слои общества, а они вместе с тем были и магнатскими. Только образованному магнату или клирику, культура которого от магнатской не отличалась, были доступны блестящие и пламенные произведения Иеронима и Августина, сочинения Руфина и Сульпиция Севера. Аристократия же ранее всего явилась деятельною силой западного христианства. Не мудрено, что и аскетизм ранее всего захватывает магнатские круги или, во всяком случае, круги, задетые магнатской культурой. Большинство известных нам основателей монастырей были людьми знатными и образованными. Трудно определить социальный и культурный состав монастырей, но мы знаем, что среди монахов Мармутье «было много знатных людей»; что аббаты Лерина, занимавшие епископские кафедры, обладали достаточным образованием, чтобы вести богословские споры и наслаждаться духовным общением с блестящими представителями галло-римской культуры. Отличительною чертой монастырей IV–V и следующих веков можно считать аристократизм их состава и, во всяком случае, если не численное, то моральное преобладание высших классов общества. А вместе с магнатами проникла в монастыри и духовная культура эпохи, по существу, аристократическая. Укоренялись традиционные навыки и приёмы преподавания, традиционное содержание и форма его. Иероним не мог забыть красот Цицерона даже под палящим солнцем Сирийской Фиваиды, и кто старался забыть его, тот всё же невольно поддавался его стилю и его литературным заветам. Привыкший в миру к тонкостям стиля, вжившийся в мир римской мифологии и традиции римской литературы, магнат не мог забыть их и в пустыне, читая Иеронимов перевод Библии, вспоминая старые эстетические наслаждения за вызывающими их произведениями Августина. Так с самых начал своих западное монашество воспринимает и хранит духовную культуру падающей римской империи, будучи не в силах её христианизировать, удалить из неё все языческие красоты подобно тому, как иудей обстригает волосы и ногти жене язычнице.

5. Монастыри возникали везде, вне зависимости друг от друга создаваемые общим аскетическим течением. Естественно, что не было и единообразной организации монашеской жизни. Всё находилось ещё в движении, в процессе становления. Обнаружилась лишь общая и сильная тенденция к воспроизведению на Западе форм восточного монашества. Но различны были источники, из которых почерпались сведения о формах совершенной жизни, осуществлённых восточными пустынножителями, и различно преломлялся идеал Востока в уме многочисленных основателей монастырей, в неравной мере преобразовывался ими. «Мы

видим перед собою, – говорил Кассиан, – почти столько же образов жизни, сколько монастырей и келий». В одних общежитиях, как в Лерине, довольствовались подражанием жизни египетских еремитов в общей форме под руководством сначала Гонората, потом обычая, и, видимо, не испытывали нужды в писаном уставе. В других клали в основу жизни устав Пахомия, переведённый Иеронимом, или видоизменённый устав Василия Великого. Иногда руководились сразу обоими уставами, или часть монахов данного общежития следовала предписаниям Пахомия, другая – Василия. Создавались и новые уставы. Так, в женских монастырях был распространён «Устав Августина», собственно говоря, изложенные им в письме к монахиням мысли о монастырской жизни. Рядом с этим «Правилom» стояло Правило Цезария Арльского, сочетавшего постановления Василия Великого с положениями Августина, и другие.

Такое состояние монашества более всего должно было затрагивать и волновать его приверженцев и идеологов. Для того чтобы монашество могло занять в христианском обществе и Церкви то место, которое они ему готовили, было необходимо известное единообразие монашеской жизни, признаваемые всеми основы её. Нужно было известным образом примирить и сочетать часто противоречившие одни другим идеалы анахоретства и монашеского общежития. И не всё создавшееся на Востоке подходило к климату и условиям жизни Запада. Чувствовалась потребность в кодификации монастырских уставов. И первую попытку в этом направлении сделал Кассиан (род. ок. 360 г.). Он хорошо знал Восток: Палестину, где провёл некоторое время в одном вифлеемском монастыре, и Нижний Египет, с жизнью монахов которого ознакомился в течение своих семилетних странствий по нём. Пребывание же в Константинополе и дружба с Иоанном Златоустом позволили Кассиану ближе узнать и василианское монашество.

Кассиан – одушевлённый идеолог монашества. «Цель исповедания – Царство Божие; назначение же наше – чистота сердца, без которой никто не может достигнуть этой цели». В двух своих сочинениях Кассиан излагает всё, «касающееся внешних обязанностей человека и установления общежительного», и (в другом) «касающееся жизни (*disciplinam*) внутреннего человека, совершенства сердца, жизни и учения анахоретов». Монашеский идеал рисовался Кассиану в чертах восточного пустынножительства. Но, придавая значение местным условиям – климату и общественной жизни, он старался должным образом видоизменить основы монашества, приспособить его к Западу. Так, описав одежду египетских монахов, Кассиан замечает: «Мы должны соблюдать лишь то, что допускается положением (*situs*) места или провинции». Носить одну тунику не позволяет суровая зима, другие же особенности одежды анахоретов не послужат поучению мирян, а вызовут только смех. Примыкая к идеалу египетских лавр, Кассиан выдвигает еремитскую сторону монашества. Монахи должны работать в отдельных кельях. Но Кассиан против излишеств аскезы, против вериг, мешающих работать и вселяющих гордыню, против чрезмерного поста. Точнее регламентируя монашескую жизнь, он введением утрени доводит число суточных молитв до семи, и – опять смягчение египетских нравов – вместо одной вечерней еды вводит две еды в день (*prandium* и *coena*). Монастырь огораживается от мира, но в нём особенное значение придается труду, по условиям Запада долженствующему приблизить его к обществу, и выход из общежития ещё открыт для желающего: нет так называемой *stabilitas loci*.

Как дающие полную и детальную картину жизни монашества, как приспособляющие близкий всем восточный идеал к условиям Запада, сочинения Кассиана дают теоретическое завершение западному монашеству в первый период его существования. Они делаются настольною книгою средневекового монаха, читаемою во многих монастырях во время обеда братьев, рекомендуемою самим Бенедиктом. Но они были бессильны устранить многоуставие, не конкретизируя в ясной и краткой форме мысли их автора, слишком громоздкие и обширные, чтобы стать уставом. Правда, друг Кассиана епископ лионский Евхерий

составил краткое извлечение из его сочинений, так называемый «Устав Кассиана», который и получил некоторое распространение и оказал влияние на другие уставы. Но для того, чтобы добиться безраздельного господства, мало было уважаемого и прекрасного «Правила», нужна была ещё власть, способная провести его признание всеми общежитиями. Единственной такою универсальною властью было папство, а оно отдало предпочтение уставу Бенедикта. Но от этого не умалилось значение труда Кассиана, впервые в ясной и логичной форме изложившего принципы монашества. Устав Бенедикта ограничивался только самыми общими положениями, и, для того чтобы углубиться в монашеский идеал, для того чтобы должным образом понять самый бенедиктинский устав, необходимо было обращаться к сочинениям Кассиана.

Глава III. Бенедикт и его устав

1. О жизни «отца западного монашества» мы осведомлены очень плохо. Его биограф папа Григорий Великий посвятил свой труд больше чудесам, чем жизни святого. Бенедикт родился в конце V века (традиция считает годом его рождения 480) в Нурсии (теперь Норчья), около Сполето, в знатной семье, которую предание ставит в связь со славным римским родом Анициев. В школах Рима святой получил обычное для того времени литературно-риторическое образование, блестящих представителей которого видел V век. Но скоро Бенедикт «презрел научные занятия» – «зная незнающий и мудро неучёный», бежал он от соблазнов мира, особенно ярко проявлявшихся в таком городе, как Рим, в Абруццы, в Эффриде (теперь Альфидена), а оттуда в дикую местность около речки Тевдоне – Субиако. Поселившись в пещере, начал он жизнь покаяния по образцу египетских анахоретов. Его первыми шагами руководил какой-то монах Роман. Он же доставлял новому пустыннику скудную пищу, которую Бенедикт подымал на верёвке в свою недоступную пещеру. Три года прошли в борьбе с дьяволом и искушениями плоти. Бенедикта открыли окрестные пастухи, и слава о новом отшельнике распространилась настолько, что монахи соседнего монастырька Виковаро выбрали его преемником своему умершему настоятелю. Но скоро оказалось, что суровый идеал Бенедикта не мирился с привычками его паствы. Легенда рассказывает, что монахи даже пытались умертвить своего настоятеля, отравив вино, приготовленное для совершения Евхаристии. Но от знамения креста, совершённого Бенедиктом, раскололась деревянная чаша и обнаружилось злое дело монахов. Отечески упрекнув их, покинул Бенедикт Виковаро и вернулся в свою уединенную пещеру, но уже не обрёл прежнего одиночества.

Около Бенедикта стали собираться ученики, и в Субиако возник новый монастырь. Часть монахов проходила аскетическую школу под руководством самого Бенедикта, остальных он разбил на небольшие подчинённые поставленным им «отцам» группы, по 12 человек в каждой. С течением времени число этих групп достигло 12. Кроме молитвы и труда, монахи силою обстоятельств были принуждены взять на себя обязанности воспитателей и учителей детей окрестной знати, что напоминает несколько обычаи монастырей Василия Великого.

Но расцвет Субиако вызвал недовольство и интриги соседнего священника Флоренция, и Бенедикт с несколькими учениками покинул свой монастырь. Он нашёл себе новое место в Кампании, на половине дороги между Римом и Неаполем, в Монте-Кассино (529 г.?) – полуразвалившемся, когда-то укрепленном городке. Римский патриций Тертулл подарил Бенедикту земли, и начало новому монастырю было положено. Святой разрушил старый храм Аполлона, подтверждая делом начатую им проповедь против языческой веры окрестного населения, и на месте его заложил свой монастырь с маленькой церковью в честь «начальника и патрона монашества» Иоанна Крестителя и с ораторием, посвящённым святому Мартину Турскому. Сначала монахи жили в старой башне развалившейся крепостцы, но мало-помалу отстроился большой монастырь, обнесённый высокими стенами. Монте-Кассино стал центром окружающей местности, и не только центром религиозным. Его высокие стены были в эту бурную эпоху надёжной защитой; и за ними скрывались от меча готов или греков. Ещё при жизни Бенедикта неподалёку возник и второй монастырь – Террачина. В Монте-Кассино святой и умер, здесь же он написал свой устав, играющий такую крупную роль в истории западного монашества.

2. Как Кассиан, Бенедикт создавал свой устав на основе уже существовавших в его время правил и описаний монастырской жизни, в том числе и на основе сочинений самого Кассиана. Монашеская жизнь – истинное служение Богу. Так выражает Бенедикт мысль

эпохи. «Бог удостоил принять нас в число детей своих, и не следует огорчать Его дурными делами нашими. Всегда следует повиноваться Ему так, чтобы не лишил Он нас – разгневанный Отец, детей своих, наследства и чтобы страшный владыка, разгневанный злыми делами нашими, не предал Он вечной каре нас, негоднейших рабов своих, не пожелавших следовать за Ним к славе». «Время встать от сна». «По благодати своей указывает нам Господь дорогу жизни». «Придите, дети, послушайте меня! Научу я вас страху Божьему. Бегите, пока есть ещё в вас огонь жизни, чтобы не объял вас мрак смерти». Что же надо делать? «Если хочешь обладать истинною и вечною жизнью, – сказал Христос, – удали язык твой от зла, и уста твои да не говорят коварного». В чертог Господень войдёт тот, кто не запятнан пороком, кто творит справедливое, говорит истину в сердце своём и не несёт коварства на языке своём, кто не делает зла ближнему своему и, отвергнув дьявола, прилепляется ко Христу.

Братство стремящихся к Богу представляется Бенедикту в виде военного отряда – *schola*. «Должны мы учредить отряд божественной службы» – «*Constituenda est ergo a nobis dominici schola servitii*». Поэтому и деятельность монаха выражается словом «*militare*» – служить; и устав не что иное, как «*lex, sub qua militare vis*» – закон, ненарушимый и непреложный, как непреложен закон воинской дисциплины. «Святой устав» содержит всё нужное для воина Господня; это – «устав-наставник». И само «послушание» – дисциплина монастыря – и неограниченная власть аббата превращают братство в воинство Христово.

По-разному можно было понять призыв на «путь к чертогу Господню»; по-разному его и понимали. В общей своей форме христианский идеал, принимаемый Бенедиктом, примирим и с жизнью в миру, и с пещерой анахорета. Но Бенедикт думает не о мирянах, а о монахах, оставивших мир в стремлении к спасению и отгородившихся от мира суровыми обетами и высокими стенами. И, конечно, не гироваги и сарабайты могли подать лучший пример совершенной жизни, а киновиты и анахореты. Анахорет ведёт в пустыне «одинокую борьбу с пороками плоти», полагаясь только на помощь Божию и отказываясь от содействия братьев. Такая борьба требует исключительной силы и опытности. По мнению Бенедикта, на неё может решиться только тот, кто выучился борьбе с дьяволом в монастыре, кто «хорошо снаряжен к бою». Поэтому-то наиболее желательной и пригодной формою (*fortissimum genus*) является монастырское общежитие – «*genus monachorum monasteriale militans sub regula vel abbate*». Так получает ясное выражение мысль, руководившая первыми основателями лавр и монастырей.

Но и для монастырского общежития Бенедикт ограничивает свою задачу изложением только самых необходимых положений – «началом обращения» (*initium conversionis*). Совершенство жизни (*perfectio conversationis*) предоставляется личным усилиям желающего достичь его монаха. Такому ревнителю окажет помощь всякая страница Священного Писания, любая книга Святых Отцов. Он может обратиться за наставлениями к житиям отцов, к уставу святого Василия, к сочинениям Кассиана. Устав Бенедикта предназначается для большинства, для средних людей, ставя себе целью воспитание их в духе монашеского идеала. «Ты, стремящийся к небесному отечеству, – говорит Бенедикт, заканчивая устав, своему ученику, – исполни сначала с помощью Христа этот малейший начальный устав. И тогда только при покровительстве Божьем достигнешь ты большего, чем то, что мы изложили выше, – самых вершин добродетелей».

Монах отдаётся Богу. Он оставляет мир, «чуждаясь дел его». И устав Бенедикта старается обособить монастырь от мира более, чем уставы Василия и Кассиана. Монах без разрешения аббата не может видаться даже со своими родителями; дозволение аббата требуется и для письменных сношений с ними. Если монаху что-нибудь пришлют или принесут, он не может прикоснуться к этому, не спросив аббата, и должен поступить так, как тот ему укажет. Любовно и смиренно встречают братья гостя, но никто, кроме аббата и того, кому он прикажет, не имеет права общаться или разговаривать с гостем. «Если же встретится с ним или

увидит его, то, смиренно приветствовав его и испросив благословения, пусть идёт дальше, сказав, что не позволено ему говорить с гостем».

Разумеется, безусловно необходима личная бедность: «С корнем должно вырвать из монастыря порок обладания чем-нибудь». «Нельзя обладать даже собственным своим телом или своими желаниями, но следует во всём необходимом надеяться на отца монастыря». Вместе с бедностью и целомудрием монаху необходимо ещё соблюдать молчание. «В Писании сказано: „Во многоглаголании не избежишь греха“; и в другом месте: „Смерть и жизнь в руках языка“». «Говорить и учить приличествует наставнику, ученику надлежит молчать и слушать». И не только беспощадно изгоняются праздная болтовня и весёлые шутки, но и простой разговор разрешается лишь в случаях крайней необходимости.

Принявший обычные в то время монашеские обеты, обязанный навсегда остаться в избранном им монастыре (*stabilitas loci*), отмеченный tonsурой, монах отдаётся Богу, стремится к Нему и к любви к Нему. Из этой любви вытекают все добрые дела. «Прежде всего надо любить Бога всем сердцем своим, всею душою, всею мыслью своей, потом – ближнего, как самого себя». Вступивший в монастырь принадлежит не себе, а Богу. Поэтому и принесение в монастырь ребёнка называется жертвою (*oblatio*). Но монах тем и отличается от анахорета, что спасается, не полагаясь на свои личные силы: он – «рядовой воин». Как и какими средствами он может достичь своей цели, об этом знают устав и аббат, которым монах и обязан полным повиновением.

Среди предписаний устава, помимо молитв, постов и других внешних средств, особое место занимает смирение. «Всякий смиряющий себя возвысится». «Поэтому, братья, если мы хотим достичь вершин высочайшего смирения и быстро достигнуть того небесного возвышения, к которому восходят смирением земной жизни, мы должны для действий наших воздвигнуть ту лестницу, которая явилась во сне Иакову и на которой виделись ему нисходящие и восходящие ангелы». Двенадцать ступеней у этой лестницы – двенадцать степеней смирения. Монах не должен забывать о страхе Божьем и о предписаниях Господних, исполнение которых даёт человеку жизнь вечную, нарушение – низвергает в геенну. Монах ходит перед Богом и отвращается от собственных своих желаний, особенно же от похотей плоти. Это первая ступень. Выше (вторая ступень) возводит человека полный отказ от собственной воли, исполнение слова Господня: «Я пришёл исполнить не Мою волю, а волю Пославшего Меня». Но и здесь ещё опасно проявление собственных желаний. Поэтому лучше (третья ступень) из любви к Богу со всем послушанием подчиниться старшему, подражая в этом Христу, о котором апостол говорит: «Стал Он послушным Отцу своему до самой смерти». И ценнее всего (четвёртая ступень) повиновение старшему во всём, даже если это сопряжено со страданием. «Кто претерпит до конца, спасён будет». Но не внешнее подчинение нужно; монах должен (пятая ступень) в смиренной исповеди открывать аббату все свои злые помыслы, чем достигается истинное повиновение. Действительно смиренный (шестая ступень) доволен всем, считая себя недостойным рабом, ставя себя (седьмая ступень) ниже других не на словах только, а на деле: в мыслях своих. Истинно смиренный должен (восьмая ступень) делать лишь то, что предписывается уставом и примером старших, соблюдая (девятая ступень) молчание, не смеясь (десятая ступень), довольствуясь, как мудрый (одиннадцатая ступень), немногими словами. Если всё это достигнуто, человек всходит на последнюю, двенадцатую ступень лестницы, внешне выражая своё смирение в наклонённой голове и опущенных в землю взорах. «Взойдя же на все эти ступени смирения, монах быстро достигнет любви к Богу, той совершенной любви, которая изгоняет страх. Благодаря ей он без всякого труда, как бы по природе (*naturaliter*), по привычке, не из страха перед геенною, а из любви к Богу и вследствие доброй привычки и наслаждения добродетелью станет соблюдать всё то, что прежде соблюдал не без ужаса».

Итак, отказом от собственной воли и смирением превращается монах в воина Христа. Вся жизнь и деятельность его протекают в рамках, установленных правилом, под неусыпным надзором аббата. Монах может и должен молиться, но главная часть молитв до мелочей определена уставом, как определён им и характер индивидуальных религиозных упражнений монаха. «Краткою и чистою должна быть молитва, разве только проистекает она из чувства вдохновения Божественною благодатью. В монастыре же вообще да будет кратка молитва, и по знаку, данному приором, пусть все поднимаются вместе». Монах может и должен работать и читать, но то и другое подчинено бдительному надзору старших. Индивидуальная работа стеснена до крайних пределов: полагаться на свои силы может только испытанный, прошедший монастырскую школу анахорет. В примкновении к выработанному уже идеалу монашества Бенедикт старается отнять у монаха его личность и вложить в его душу новое содержание, выраженное в уставе. Изыскиваются всяческие способы борьбы с личностью, средства победы над нею, превращения братства в однородную массу, монаха – в рядового воина. Действительность, разумеется, далеко отходила от этого идеала, и чем далее, тем более.

Бенедикт шёл к осуществимому. Он хотел дать своим уставом необходимый, по воззрениям эпохи, минимум требований, предъявляемых монаху, предоставляя дальнейшее самоусовершенствование личным усилиям, но в то же время не ослабляя и не принижая самого идеала. Умеренность требований отличает весь устав, возьмём ли мы постановления о постах или постановления, касающиеся одежды. «Всё, – замечает один видный протестантский историк, – показывает ясный взгляд человека, стремящегося к достижимому». Бенедикт видит задачу монастыря в переработке вновь вступающих в истинных монахов. Он не требует от всех одинакового совершенства, сообразуясь с различием характеров и сил, но ведёт всех к одному исключаящему индивидуальные отклонения идеалу. Монастырь не только братство, а и школа, воспитывающая воинов Христовых. Эта идея воспитательской миссии монастыря сказывается и в системе кар за проступки. Непокорного монаха сначала увещивает декан, и только после двукратного бесплодного увещания виновный исключается из участия в общей еде и в общей молитве. В более серьёзных случаях он лишается права всякого общения с другими монахами. За этими карами следует телесное наказание. За ним – общая молитва за виновного и, в случае крайней закоренелости, исключение из монастыря. Желательный состав монастыря обеспечивается институтом новициата. Новиция принимают в монахи лишь после основательного испытания. По истечении года он приносит торжественные обеты целомудрия, бедности, повиновения аббату и осёдлости (*stabilitas loci*). Только после этого становится новиций полноправным монахом, хотя и занимая последнее место в братстве и обязанный особым почтением к старшим по времени пребывания в монастыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.